

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М., 1989.
2. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. — М., 1995.
3. Гуревич П.С. Мировое значение философии Н.А. Бердяева // Философия и культура. — 2014.
4. Гуревич П.С. Философское толкование человека. — М., СПб., 2012.
5. Зотов А.Ф. Современная западная философия. 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2011. — С. 233-289.
6. Зотов А.Ф. Проблема человека у «позднего» Гуссерля // Буржуазная философская антропология XX века / Отв. редактор Б.Т. Григорьян. — М., 1986. — С. 214-226.

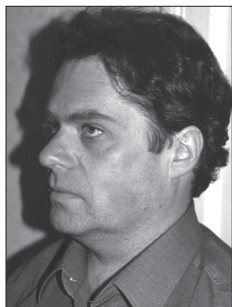
BIBLIOGRAPHY

1. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva // Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. — M., 1989.
2. Berdyaev N.A. Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya. — M., 1995.
3. Gurevich P.S. Mirovovoe znachenie filosofii N.A. Berdyaeva // Filosofiyaikultura. — 2014.
4. Gurevich P.S. Filosofskoe tolkovanie cheloveka. — M., SPb., 2012.
5. Zotov A.F. Sovremennaya zapadnaya filosofiya. 3-e izd., pererab. idop. — M., 2011. — S. 233-289.
6. Zotov A.F. Problema cheloveka u «pozdnego» Gusserlya // Burzhuaznaya filosofskaya antropologiya XX veka / Otv. redaktor B.T. Grigoryan. — M., 1986. — S. 214-226.

Поступила в редакцию 23.10.2016 г.

UDC 009

DOI: 1606-951X.2016.2.2071

А.А. ПЕЛИПЕНКО

НОВАЯ КНИГА Ю.М. РЕЗНИКА: ЗАМЕТКИ РЕЦЕНЗЕНТА

Книга Ю. М Резника «Феноменология человека: бытие возможного» — крепкий орешек даже для искушённого читателя, каковых, впрочем, сейчас осталось немного. Погружаться в сложный философский дискурс, за исключением узкого слоя профессионалов, никто особенно не жаждет. Кроме того, автор трактует термины, категории, понятия, а также идеи философов, к которым он обращается, подчас, весьма своеобразно. Даже в самом названии книги есть некоторая парадоксальность. Притом, что трактовки эти часто небесспорны, в этом, несомненно, проявляется творческое своеобразие авторского подхода. Метод здесь — не инструмент, который достаётся с полки и применяется к готовому уже материалу, как то можно видеть в работах слабых и начётнических. Метод здесь конструируется параллельно с самим предметом исследования, как, собственно, и должно быть в высокой «авторской» науке.

Соответствует этому подходу и смелость замысла: соединение философской антропологии и феноменологии — задача весьма необычная. Но, и заманчивая. Очевидно, что автор подходил к ней долго и постепенно. При этом, очевидно, что автор далёк от того, чтобы подгонять свою аргументацию под заранее готовый результат,

Пелипенко Андрей Анатольевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник МПСУ (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru.

как то нередко бывает. Нет, не без напряжения выкристаллизовываясь, авторская мысль, совершая, неожиданные порой извивы, смело уходит от предсказуемых партитур, как феноменологического, так и антропологического дискурсов. Иногда кажется, что к некоторым идеям, автор приходит неожиданно для себя и, тем более, для читателя. Но это-то и создаёт в сложном, нагруженном специальными терминами тексте, внутреннюю интригу.

Иногда кажется, что автор, будучи философом, как это ни парадоксально, отчасти тяготеет понятийно-терминологическим аппаратом философии с его схоластической «навороченностью», абстрактностью и более чем смутными корреляциями с реальностью. Перечитывая книгу, можно предположить, что автор, в определённом смысле, стоит на перепутье. С одной стороны, язык философского рассуждения для него родной и привычный, с другой же, научная интуиция подталкивает автора к тому, чтобы за пределы этого языка выйти. Ю.М. Резник, по природе своей, не «системный» философ. Он возмутитель спокойствия, нарушитель границ, отчасти склонный даже к некоторой провокативности. И потому, как мне представляется, проблема вписывания в прокрустово ложе традиционного философского дискурса для него стоит достаточно остро. Мир умозрительных спекуляций для него тесен, хотя и привычен. Быть может, настолько привычен, что выход за его пределы сопряжён с немалыми психологическими трудностями. Но и сидеть в этой интеллектуальной оранжерее он уже не может. Игра в бисер, конечно, занятие увлекательное, но... древо жизни пышно зеленеет.

Когда автор иллюстрирует свои философские размышления живыми примерами, создаётся впечатление столкновения миров. Мир живых феноменов и мир философских спекуляций предстают ни в какой мере не соотносимыми. Но с напыщенных и малопонятных терминологических построений «системной» философии вмиг слетает вся её пафосная глубокомысленная значительность. Ах вот, это оказывается, о чём! И только-то? Неудивительно, что философы не дружат с фактами и, не будучи в силах их отменить, просто их презирают. Дело не только в том, что от соприкосновения с фактами вмиг рассыпаются с таким трудом построенные умозрительные конструкции, но и в том, что факты сбивают нарциссическую философскую мысль с котурнов даже на уровне отдельных фраз. Чувствует ли это автор? Мне кажется, что чувствует. Знает ли выход? Пока, кажется, что нет. Да и есть ли выход для человека, желающего оставаться философом?

На наших глазах вслед за стремительно меняющимся миром, меняется и интеллектуальный контекст процесса познания. Огромный пласт мыслительного опыта не только в философии, но и в литературе, изоискусстве, кино, и иных сферах, с пугающей быстротой теряет актуальность, отстывает во вчерашний день. Юнг и Дали, Хемингуэй и Феллини, Пикассо и Эйштейн, Ясперс и Маслоу: всё они, как и многие другие, со всей своей «нетленкой» стремительно отдаляются в досетевое, доэкранный «вчера».

Меняются парадигмы. Классический научно-философский рационализм всё более вытесняется из области фронта развития, и продолжает по инерции царить лишь в массовом научном сознании. Он теперь — не более чем частный случай.

Существенно померкли и фигуры титанов философской мысли: Гуссерля, Хайдеггера. Оказалось, что пока феноменология не даст ясного ответа на вопрос: как в психике возникают акты сознания, она будет бесплодно биться мухой о стекло, мучительно измышляя всё более сложные, путанные и познавательного бессмысленные

умозрительные конструкции. Какая уж тут феноменологическая редукция? И никуда не деться от навязчивого вопроса: кому всё это нужно за пределами песочницы, где тешат в играх своё интеллектуальное самолюбие жрецы умершего бога? Никогда философская феноменология не ответит на вопрос о генезисе сознания, но, быть может, ей это на самом деле и ненужно?

А ведь современные естественные науки с их квантовыми и эволюционными теориями, хоть и не ответили пока на сакраментальный вопрос о происхождении сознания, но, по меньшей мере, движутся в этом направлении. В этом смысле, работы, к примеру, Р. Пенроуза или Дж. Чалмерса «снимают» всю философскую феноменологию, делают её просто не актуальной. Иное дело, что для объяснения феномена сознания одного естественнонаучного дискурса недостаточно: нужен ещё и дискурс культурогенетический (не путать с философским). Придёт ли автор к признанию такого положения дел? Или останется в привычной философской гавани?

Что касается антропологии, то здесь не могу не отметить некоторый личный момент. Идея стратификации культурно-антропологических типов (в смыслогенетической теории – концепция КА-типов) мне особенно важна и близка. Хотя автор приходит к подобной идее совершенно «с другого конца», пользуется иными терминами и вообще, рассуждает на свой лад, сам вызов глубоко антинаучной и идеологически ангажированной парадигме абстрактной, внеисторической (но зато «в доску» гуманистической) антропологии достоин самого пристального внимания и поддержки.

Сегодня строить какую-либо антропологическую теорию без учёта различия устройства ментальных структур у разных человеческих типов, и динамики изменения этих структур в истории – невозможно. Можно сколь угодно называть дон-кихотов провокаторами, но ветряные мельницы должны быть побеждены. И здесь мы с Ю.М. Резником – близкие союзники.

В заключение отмечу, что автор, излагая свои идеи весьма непростым языком, делает всё возможное, чтобы протянуть читателю руку помощи. Не лишённая некоторого дидактизма структура глав, основательные авторские разъяснения по поводу ключевых понятий, категорий и концепций, несомненно, облегчают путь к пониманию.

Новая книга Ю.М. Резника – это, безусловно, событие, о значении которого можно будет говорить года через два-три. Однако в любом случае, работа эта встраивается в тенденцию поиска широких объяснительных концепций, которая, несмотря на клиповый мейнстрим эпохи, всё же набирает силу. А это значит, что мода на толстые книжки постепенно возвращается. И книгу Ю.М. Резника непременно будут читать.

Поступила в редакцию 23.10.2016 г.